

ЧТО ДУМАЛ ВЛ. СОЛОВЬЕВ О «ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ОСНОВАХ ФРАНКО-РУССКОГО СОГЛАШЕНИЯ»

БОРИС МЕЖУЕВ

*философ, кандидат философских наук,
председатель редакционного совета портала Русская Idea,
главный редактор информационного бюллетеня «Самопознание»*

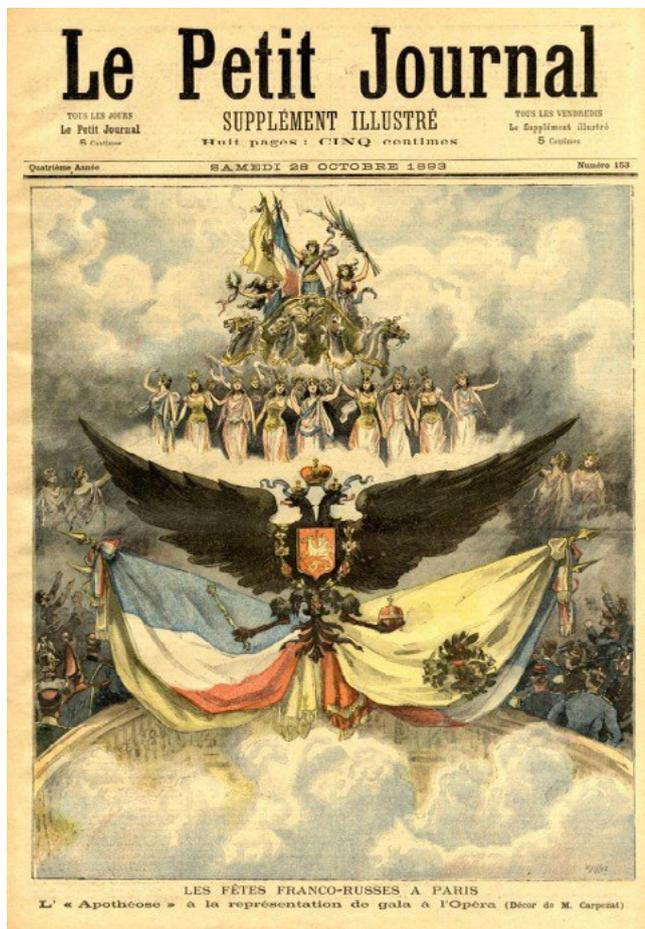
Вступление России в Первую мировую войну принято связывать с заключением ею оборонительного союза с Францией в 1891–1893 гг. и впоследствии — с Англией в 1907 г. Существует популярная точка зрения, что если бы Россия, следуя заветам канцлера Александра Горчакова, сохраняла «свободу рук» и не старалась вступать в коалиции с одними европейскими державами против других, в этом случае столкновение европейских держав могло бы обойти Россию стороной. Придерживающийся этой точки зрения известный американский историк и дипломат Джордж Кеннан посвятил франко-русскому соглашению книгу 1984 г. с выразительным названием «Роковой альянс»¹.

Разворот России в сторону Франции продолжался около трех — пяти лет. Внешняя канва событий выглядит так. После фактического распада «Союза трех императоров», объединявшего Россию с крупными германскими монархиями, и отставки Бисмарка в 1890 г. с поста канцлера в Германии стала преобладать партия, не только добивавшаяся укрепления союза с Австро-Венгрией, но и тяготевшая к сближению с Англией. После перезаключения Тройственного союза Германии с Австро-Венгрией и Италией в 1891 г. и распространения упорных слухов о том, что к этому союзу может подключиться и Лондон, позиции сторонников, условно говоря, «французской» линии в правительстве Александра III,

которых открыто поддерживали многие консервативные органы печати, значительно усилились. Преобладание «профранцузской» партии привело летом 1891 г. к подписанию первого предварительного соглашения между Россией и Францией (его называли впоследствии Консультативным пактом), согласно которому стороны обязывались в случае угрозы нападения на одну из них договориться о совместных мерах, которые можно было бы принять «немедленно и одновременно». Практически одновременно с подписанием этого соглашения 13 (25) июля 1891 г. Кронштадт посетила французская военная эскадра, встреча которой в порту сопровождалась исполнением в присутствии российского императора революционного гимна Франции.

Сближение России и Франции вышло на новый уровень спустя год, когда в августе 1892 г. в Петербурге начальники Генеральных штабов двух стран — генералы Николай Обручев и Рауль де Буадефр — подписали военную конвенцию, обязывающую каждую из стран прийти на помощь другой в случае нападения со стороны какой-либо из держав Тройственного союза. Конвенция оставалась долгое время тайной и не ратифицированной императором, пока весной 1893 г. Германия не начала таможенную войну против России. А 3 августа в Берлине был принят новый военный закон, по которому численность вооруженных сил этой страны возрастала с 2 млн. 800 тыс. человек до 4 млн. 300 тыс. Узнав о принятии закона, российский император распорядился по-

¹ Kennan, George F. *The Fateful Alliance: France, Russia, and the Coming of the First World War*. New York: Pantheon Books, 1984.

слать военно-морскую эскадру во Францию с ответным визитом: 1 (13) октября 1893 г. корабли торжественно прибыли в Тулон. Им была оказана самая торжественная встреча, сопровождавшаяся многочисленными банкетами и приемами с участием деятелей французской культуры и представителей русской печати.

Столь теплый прием русских матросов ускорила ратификацию военной конвенции. 14 (26) декабря Александр III потребовал начать работу в этом направлении. 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г. н.ст.) военный договор вступил в силу.

Русская общественность встретила известие о союзе с Францией неоднозначно. Многие консерваторы-националисты (в том числе и те, кто, как издатель «Нового времени» Алексей Суворин, присутствовал на торжествах в честь прибытия эскадры) приветствовали соглашение, надеясь, что с его помощью Россия сможет, наконец, преодолеть англо-германо-австрийское давление в балканском вопросе, которое сыграло столь драматическую роль в период Берлинского конгресса.

Как это ни покажется странным в контексте столь популярного впоследствии либерального антантофильства, более скептически отнеслись к союзу с республиканской Францией либералы «Вестника Европы». Во внешне вполне лояльном по отношению к новому внешнеполитическому курсу материале, опубликованном в Иностран-

ной хронике в ноябрьском номере журнала за 1893 г., анонимный автор (предположительно — Л. З. Слонимский) добавил в свой обзор слова, не оставляющие сомнения в подлинном отношении редакции к франко-русскому сближению: «Франция искала и, по ее убеждению, нашла союзника, и нам он едва ли необходим, хотя новое сближение также приятно и полезно. Наши патриоты и ораторы, слепо подражавшие французам в излишних политических дружбы, забывали как будто, что Эльзас и Лотарингия нужны французам, а не нам, и что ссориться с близкими соседями, в расчете на отдаленного друга, было бы неразумно»². Резкой критике подверг франко-русский договор Лев Толстой, который призвал считать «франко-русский союз» «чем он и есть на самом деле — лигой войны». Его статья «Христианство и патриотизм» появилась весной 1894 г. в английских, немецких и французских изданиях.

Отметим, что после 1905 г. критика франко-русского военного союза будет исходить в основном либо от крайне правых, либо от крайне левых сил в российском обществе; либералы по большей части отойдут от прежнего пацифизма и умеренного толстовства и будут поддерживать союз с западными демократиями в рамках Антанты. Но в конце XIX в. большинство либеральной общественности еще не разделяло симпатии к французскому реваншизму и не испытывало особой ненависти к германскому милитаризму. Поэтому точка зрения Льва Толстого была встречена в этих кругах если не с одобрением, то с пониманием.

Позицию Владимира Соловьева по вопросу франко-русского союза выявить не просто. Очевидно, что с лета 1894 г. отношение философа к союзу с Францией становится вполне отрицательным. 5 июля 1894 г. в письме к Льву Толстому философ фактически приветствовал выход в свет работы «Христианство и патриотизм». Со ссылкой на некоего приехавшего из Парижа приятеля Соловьев пишет, что книжка Толстого «независимо от ее принципиального содержания» «появилась очень кстати, как *coup de grâce*³ франко-русскому обману»⁴. У племянника Владимира Соловьева Сергея Соловьева, вероятно, были, помимо цитат из переписки с Львом Толстым, и непосредственно личные основания предполагать в статье «Религиозный смысл борьбы с Германией», вошедшей в его книгу 1916 г. «Богословские и критические очерки», что у Вл. Соловьева «франко-русский союз» вызвал «резкое порицание». С. М. Соловьев объяснял причины враждебности его знаменитого дяди к этому

² Вестник Европы. 1893. № 11. С. 402.

³ Смертельный удар (фр.).

⁴ Соловьев В. С. Письма. Т. 3. СПб., 1911. С. 97.

альянсу «воспитанным всей юностью» «германофильством» философа: «Кант, Шеллинг и Шопенгауэр настолько вошли в его плоть и кровь, что он невольно сознавал себя как бы представителем германской культуры»⁵.

Однако если это суждение и справедливо в целом, то в частности оно не учитывает того обстоятельства, что Вл. Соловьев пришел к негативному взгляду на франко-русское сближение отнюдь не сразу. В 1893 г., находясь в период октябрьских торжеств в самом Париже, он делал попытки познакомить российских читателей со своим — предположительно сочувственным — взглядом на сближение с Францией. О намерении изложить свое видение основ возможного франко-русского соглашения Соловьев сообщал в письме редактору «Вестника Европы» Михаилу Стасюлевичу из Динара 26 октября (7 ноября) 1893 г., заранее предполагая, что тот отнесется к этой идее неодобрительно, поскольку предыдущая попытка опубликовать материал на эту тему в журнале столкнулась с явным неудовольствием адресата письма: «Остается одно: из Парижа, где мои политические впечатления не будут определяться одними газетами, написать Вам о том же предмете (франко-русском союзе), но в другой форме, безо всяких масок. Если и вторично почему-нибудь не удастся, я не буду сердиться и на вторичное непомещение, а приму его за знак, что ощущаемая мною потребность сказать нечто об этом предмете меня обманывает и что мне лучше о нем умолчать <...>»⁶.

Стасюлевич предложения, действительно, не принял. Тем не менее, Вл. Соловьеву удалось донести свою точку зрения и до французской, и — опосредованно — до русской аудитории. Вращаясь в консервативных католических кругах Парижа, симпатизирующих России, философ выступил в середине декабря 1893 г. с докладом «О действительных основах франко-русского соглашения». Краткий обзор этого выступления был составлен приятелем и постоянным корреспондентом Соловьева французским католическим публицистом Э. Тавернье для французской газеты «L'Univers» (18 декабря) и впоследствии довольно оперативно переведен на русский язык для газеты «Новое время» (перевод был сделан не с текста «L'Univers», а с его перепечатки во французско-бельгийской газете «Le Nord»).

Изложение доклада Эженом Тавернье явно не удовлетворило Вл. Соловьева, как он признавался в письме своему другу, редактору журнала «Вопросы философии и психологии» Николаю Гроту в письме уже из Петербурга от 3/15 января 1894 г.:

⁵ Соловьев С. М. *Богословские и критические очерки*. Томск: Водолей, 1996. С. 97 – 98.

⁶ Соловьев В. С. *Письма*. Т. 1. СПб., 1908. С. 111 – 112.

«В Париже имел случай возвестить французам несколько важных, но горьких истин, за которые они сначала не только не побили меня камнями, но даже весьма приветствовали, но потом, сообразивши оные, отомстили особенным образом: частью замолчали, а частию — еще хуже — подменили в газетных очерках мою речь каким-то бесцветным вздором, со всякими комплиментами мне; не беда, ибо речь, все-таки будет напечатана в подлинном виде. Здесь я ее совершенно буквально повторил в одном светском кружке в присутствии двух министров»⁷.

Вероятно, Соловьев всё еще надеялся на публикацию, о которой он говорил в письме Гроту. Где и как собирался философ воспроизвести идеи своего выступления, становится ясно из письма Соловьева в редакцию «Нового времени» (опубликованного в № 6400, 21 декабря 1893 г. (ст. ст.), через четыре дня после публикации в этой газете перевода французского обзора), в котором Вл. Соловьев объяснялся с русской читающей публикой: «По поводу появившихся в некоторых французских (а также русских) газетах сообщений о моей беседе в Cercle du Luxembourg считаю нужным заявить, что текст моей речи будет напечатан в Марсельском периодическом издании «Le Vingtième siècle. Revue d'études sociales», а затем выйдет отдельной брошюрой в Париже»⁸.

Перевод отчета о парижской речи Вл. Соловьева, напечатанный в «Новом времени», был зафиксирован библиографом Яковом Колубовским в «Философском ежегоднике» за 1893 г., публиковавшемся журналом «Вопросы философии и психологии»⁹. Георгий Флоровский в своем раннем

⁷ Там же. С. 82 – 83.

⁸ Соловьев В. С. *Письма*. Т. 3. СПб., 1911. С. 179.

⁹ *Вопросы философии и психологии*. 1895. 3. Кн. 28. С. 149.

библиографическом очерке «Новые книги о Владимире Соловьеве» посвятил один абзац данной работе, сообщив о том, что судьба более поздней статьи, предполагавшейся к изданию в марсельском журнале и в виде отдельной брошюры, ему неизвестна. «Нигде мне не приходилось встречать указаний на эту брошюру; в числе сочинений Соловьева она не упоминается, и совершенно неизвестно, была ли она напечатана. Проверить это по “La Vingtième siècle” я не мог в виду недоступности этого издания для меня»¹⁰.

Издатели брюссельского собрания сочинений Вл. Соловьева в библиографическом приложении к последнему XII тому, упомянув со ссылкой на очерк Георгия Флоровского о предположительном наличии работ Вл. Соловьева о франко-русском соглашении, сообщали, что «ни статьи в XX-me Siècle, ни отдельной брошюры» им не удалось обнаружить¹¹. Следует добавить, что отчет Э. Тавернье, появившийся в газете «L'Univers», был републикован о. Франсуа Руло в 1978 г. (в качестве приложения) в сборнике написанных по-французски трудов Вл. Соловьева¹². Русский перевод данного обзора, появившийся в «Новом времени», который мы приводим ниже, никогда не публиковался вновь в бумажном издании и не комментировался отечественными исследователями творчества мыслителя.

Очевидно, что данный обзор не может быть воспринят как отражение глубинных воззрений философа, хотя бы в силу его собственного свидетельства в письме к Н. Я. Гроту. Однако не вызывает сомнений и то, что осенью 1893 г. его отношение к франко-русскому союзу было хотя и нетвердым, но все-таки одобрительным. Дружба православной монархии и демократической республики оказалась мыслителю хорошим условием для оживления христианской жизни в России и для осознания того, что глубинным источником человеческого прогресса является именно евангельская истина, бессознательно направляющая поступки формально неверующих адептов «общественной справедливости». Того обстоятельства, что за столь многообещающим культурным сближением таится весьма определенный военно-оборонительный план двух держав — России и Франции — против третьей, Германии, философ в момент произнесения своей речи, возможно, еще не предполагал. Когда же этот план стал очевиден, отношение Вл. Соловьева к франко-русскому альянсу изменилось и, по всей вероятности, уже окончательно и бесповоротно.

¹⁰ Флоровский Г.В. Новые книги о Владимире Соловьеве // Известия Одесского библиографического общества при Имп. Новороссийском ун-те. Одесса, 1912. I. Вып. 7. С. 246.

¹¹ Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. XII. Брюссель, 1969. С. 674.

¹² Soloviev V. *Sophia et les autres écrits français*. Lausanne, 1978.

Новое время. 17/29 декабря 1893 г.
(№ 6396). С. 2

ВНЕШНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Беседа Вл. Соловьева в Париже о действительных основах франко-русского соглашения. В «Nord» напечатан следующий отчет о беседе Вл. Соловьева на эту тему в большом зале Cercle du Luxembourg:

Выдающегося русского писателя представил публике г. Менар, который с большим тактом упомянул о серьезных трудах г. Соловьева и о глубокой любви, которую тот издавна питает к Франции. Вот в общих чертах содержание речи г. Вл. Соловьева, красноречие которого, полное глубоких мыслей, ученых воззрений и оригинальных взглядов, неоднократно вызывало самые горячие рукоплескания. Само собою разумеется, что резюмируя беседу г. Вл. Соловьева, как документ, мы оставляем за русским писателем полную ответственность за изложенные им идеи.

Итак, по г. Соловьеву, первое условие для того, чтобы дружба между Россией и Францией оказалась долговечною и плодотворною, заключается в том, что оба эти народа, так отличающиеся друг от друга характером и историей и отдаленные один от другого с точки зрения географической, составили себе точное понятие о причинах, приведших к их сближению. Политического интереса для этого не довольно, ибо политика и история, по самой природе своей, вещь преходящая. Не любовь ли к контрастам? Нет, потому что в таком случае нам еще легче было бы войти в соглашение с Китаем. Должно рассмотреть, что в этих странах имеется общего и особенного.

Чувство веры и великодушия и неудержимое стремление к идеалам образуют первый элемент той симпатии, которая сказалась с такою горячностью. Но симпатия не может развиваться сама по себе, необходимо руководить ею и поощрять, иначе она окажется безжизненною. И тут истина выступает вперед и существенный закон мировой деятельности — единение создается применением противоположных сил. Теория эта, которую только поверхностные умы в состоянии назвать парадоксальною, безусловно, согласна с самыми простыми и обыденными явлениями. В связь вступают вовсе не существа, строго похожие один на другого. Сила и слабость, кротость и энергия созданы для взаимного сочетания. Движущая сила ищет силы неподвижной.

Сравнение это г. Вл. Соловьев разъяснил с удивительною ясностью и определенностью. Он указал на Францию, которую он называет «глаголом человечества», постоянно склонную распространять

идеи, зародившиеся в ней или почерпнутые извне. В противоположность этой деятельности он показал нам Россию, как будто остающуюся пассивной среди своих необъятных владений. Франция, которая без меры расходует свое пламя, не походит ли на двигатель, которому вскоре придется действовать в пустом пространстве? Россия, напротив, богата верованиями, сохранившимися подобно капиталу, накопленному веками. Она ждет толчка, который явится причиной общего движения и распространит повсюду теплоту и жизнь.

Даже в разнице их настоящих политических порядков г. Соловьев черпает аргумент в пользу сближения обоих народов. Дух индивидуализма, который ныне олицетворяет во Франции столько излишеств, должен оказать благотворное действие на Россию, где его нет. С своей стороны дружественный народ заставляет нас разделять его любовь к солидарности, которая у него есть не более, как братство во Христе.

Мысль эту г. Соловьев изложил с величественною широтою взгляда — говорит наш собрат газеты «Univers» Эжен Тавернье в своем отчете о беседе знаменитого русского писателя. — Мощь и равновесие его идей всегда вызывают удивление. Нет ни одной теории, которая не опиралась бы на соображения различного порядка, нет ни одного суждения, которое не согласовалось бы с богословием, философией, историей или естествознанием.

Надеяться сочетать усилия Франции и России в религиозной пропаганде и в религиозных действиях — разве это не мечта, которой противоречит настоящая действительность и предположения о ближайшем будущем? Чтобы рассеять это опасение, достаточно будет анализировать вблизи великие течения, обрисовывающиеся в наше время. Ошибаются, когда считают за революционные сами по себе идеи или реформы, отстаиваемые людьми, не исповедующими формально нашей веры или исповедующими ее бессознательно.

Забывают, что многие дела, совершенные как будто от имени истинной религии, не были христианскими. Существует скрытое христианство, действующее окольными путями. В свою пользу оно употребляет те самые орудия, которые обра-

щены против него. Это, впрочем, один из принципов, проливающих свет на универсальную деятельность. Мы знаем из Евангелия и констатируем в истории, что все эти бесчисленные силы, которые были израсходованы и которые ищут выхода или покоятся в запасе, предназначены встретиться, соединиться, пополнить одна другую и трудиться сообща над окончательным делом.

Возрождение христианского духа г. Вл. Соловьев видит в пробуждающейся страсти к общественной справедливости. Он радостно приветствует, он с восторгом славит дух, побуждающий людей считать для себя всё более и более обязательным помогать друг другу и проявлять друг к другу истинную любовь. Это милосердие Христово проносится над миром.

Не трудно угадать, что г. Соловьев, столь преданный союзу христиан под законною властью, не преминул почтить в самых горячих и искренних выражениях верховного первосвященника, взявшего на себя заправлять этим движением и положившего таким образом начало новой эпохе.

Но не утопиею ли является в наше время попытка направлять для торжества Евангелия, под предводительством папы, силы Запада, который революция хочет отторгнуть от Рима, и силы Востока, который удалила от него схизма? Нет. Именно при этих условиях, среди этого антагонизма, и вырабатываются прогресс и гармония. «Не забудем,— смело говорит г. Соловьев,— что всеобщая история есть осуществление утопий».

В заключение он приводит, прибегая к своеобразной и прекрасной параллели между св. Петром и св. Иоанном, черты обеих наций, соединившихся ныне для общего дела. Св. Петр, апостол Запада, св. Иоанн, апостол Востока, как бы обменялись излишком своих качеств. Св. Иоанн, о котором нам известно, что он был бесконечно кроток, вначале был склонен к вспыльчивости, св. Петр был вспыльчив и слабого характера. Оба, уступая мыслям о мести и полагая, таким образом, служить Учителю, заслужили достопамятный урок: «Не знаете, какого вы духа!» Будем остерегаться подобного упрека. Будем служить вере любовью к правде, будем служить милосердию любовью к справедливости.